
ОБЪЯСНЕНИЕ ИЛИ ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Д.К. Безнюк

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
mayo-r-r@mail.ru*

Автор предлагает ряд тезисов, касающихся анализа условий изменения характера и функциональной нагрузки языка современной социальной теории. Глубокие социальные трансформации, переживаемые человечеством на современном этапе развития, требуют пересмотра социальной миссии наук об обществе и человеке, в русле их включения в процесс «производства будущего». Мечта основателя социологии О.Конта об управленческой функции социологии получает второй шанс на свою реализацию.

Ключевые слова: социология; язык науки; будущее; проектирование; «физики» – «лирики»; межкультурное пограничье.

*Лучший способ предсказать ваше будущее – создать его
Авраам Линкольн*

Отец-основатель социологии – Огюст Конт – видел в ней инструмент построения будущего гармоничного и справедливого общества; социологи (как носители истинного знания об обществе) представлялись ему информационным базисом для принятия политических решений, для проектирования будущего общества.

Сегодня мало найдется людей, которых не интересует их будущее. Мало найдется в сегодняшнем мире и государств, которые не участвуют в *производстве* своего будущего. Именно *производстве*! Календарное будущее наступит и без нашего участия, без приложения общих усилий, а вот Будущее – во многом есть плод нашей работы и творчества и, в таком случае, будущее следует рассматривать как результат производства, результат организованных усилий.

Какова же роль корпуса социогуманитарных наук в этом производстве и что может предложить современная социология?

При ответе на этот вопрос логично исходить из прямых функций науки – описывать, понимать, объяснять, т.е. предлагать миру мыслительные конструкции, которые делают окружающий мир понятным, комфортным и полезным. Одним из важнейших инструментов этого для науки выступает

её язык – система понятий и категорий, через которые формулируются и транслируются производимые ей смыслы. Однако, стоит заметить, что все более ускоряющийся и обновляющийся мир требует от науки *нового языка*: те социальные трансформации, свидетелями которых мы являемся, по своим масштабам, содержанию и следствиям, как представляется, адекватно не описываются и не объясняются языком имеющейся традиционной социогуманитаристики.

Можно выделить несколько характеристик нового мира, которые провоцируют на пересмотр и перестройку языка современной науки, языка, через который производится и презентуется будущее.

Во-первых, привычный нам мир – мир послевоенный и мир постсоветский – кардинально меняется. Идёт конкуренция (если угодно, война) смыслов, посредством которых глобальные игроки предлагают своё видение будущего и путей его достижения. На повестке дня предложение модели будущего как результат не просто социального предвидения/прогнозирования, а именно социального *проектирования*. Чья модель будет привлекательнее, тот и выиграет битву за умы и ресурсы. И здесь встаёт вопрос о характере языка, которым эта модель будет сформирована и представлена публике. Где адекватность языка – в традиционных, но неполных схемах или в попытке создать новые, нетрадиционные: современная социальная теория – не просто сфера рождения объяснительных схем, а «фабрика мысли» по производству будущего, через производство языка этого будущего.

Во-вторых, прогрессивистско-просвещенческая логика, как примета нашего времени, требует ответа на вопрос: к чему мы идем, к чему стремимся? Но, одновременно, возникает и вопрос: от чего мы должны отказаться на этом пути? С одной стороны, «От чего отказаться?» легко может привести нас к заикливанию на исторических травмах, на ревизии прошлого или его безоговорочной апологии; мы можем стать заложниками этого прошлого, старых схем, смыслов и логики. С другой – отказ от прошлого может стать ситуацией, когда с «водой выплеснули и ребенка»: забвение прошлого или его перекройка под сиюминутную конъюнктуру нередко оборачивается культурным проигрышем. При этом «К чему мы идем?» требует нового языка, нестандартных схем...

В-третьих, язык и методология для Будущего формируется, как представляется, в новом споре «физики – лирики» (СССР 1960-х годов). Сегодняшнюю ситуацию в науке и культуре можно назвать «Спор физики – лирики: второй раунд». Первый лирики проиграли. СССР вышел в космос, создал атомную и водородную бомбы, построил замечательную систему производства инженерных кадров, держал технический и военный паритет

с Западом. Но торжество технической составляющей, при невнимании к «лирикам» (догматизация и ритуализация социогуманитарного блока), сделало Советский Союз невосприимчивым к новым социальным теориям, не способным творчески переработать чужое или предложить своё новое. Такого рода ситуация позволила нам после распада СССР стать абсолютно некритичными потребителями новых для нас общественных теорий и наук – политологии, экономической теории (à la экономикс), социологии.

Сегодня, как представляется, мы проживаем схожую ситуацию – в угоду техническому прогрессу, в погоне за эффективным «железом и софтом», мы попадаем в ловушку «культурного запаздывания», которую хорошо описал У. Огборн еще в первой трети XX века: материальный компонент культуры опережает духовный, что чревато кризисом этой культуры, дегуманизацией и расчеловечиванием.

Если обозначить значение социологии и общественных наук в проектировании Будущего, то социология (социальная теория) просто обязана быть в «первых рядах» такого проекта. У отечественной социологии появляется уникальный шанс стать автором (соавтором) возможного проекта Будущего. У белорусов есть большой и эффективный опыт междивизиационного пограничья, существования в разных культурно-исторических и социально-политических средах. Всё это нашло своё отражение в социальной мысли нашего народа, в его культурном прошлом.

В ходе реализации упомянутого шанса, необходимо обратить внимание на некоторые нюансы: а) грамотная работа с наследием и критическое отношение к приходящим в наш дискурс смыслам (все говорят про постиндустриальное общество – а тут раз и на повестке дня новая индустриализация!..); б) недопущение сервильности науки: результаты научного поиска не должны быть «заказными». Заказ может быть только одним – социальным – ориентированным на востребованность данного исследования обществом, его интересами; в) опасность догматизации языка и логики проекта, превращение его в икону, не подлежащую критике и исправлению.

В-четвертых, какова же стратегия построения нового языка? Чаще всего предлагается строить его на базе междисциплинарных исследований и логик, на базе интердисциплинарности. При реализации такой стратегии возникает несколько фундаментальных проблем: привлекать к синтезу только социогуманитарные науки и теории или естественные и технические; методологию синтеза брать из имеющихся образцов (синергетика, напр.) или создавать «с нуля»; конверсивность,

совместимость методологий; обеспечение гуманитарной экспертизы такого синтеза, вписывание его в культурные стандарты.

Таким образом, запрос на новый язык проектирования очевиден, но не очевидны возможности реализации этого запроса. Мировой и отечественной социологии предстоит еще большая и интересная работа по интеллектуальному поглощению современности и выхода к проектам Будущего!